

**Региональный этап Всероссийской олимпиады школьников
по обществознанию 2013 г.
10–11 классы**

**2-й тур
Сочинение-эссе**

Критерии оценивания

1. Умение выделить проблему, поставленную автором, обоснование ее значимости для общественных наук и социальной практики.

2. Умение сформулировать и обосновать вашу собственную точку зрения при раскрытии темы.

3. Уровень аргументации:

а) внутреннее смысловое единство, согласованность ключевых тезисов и утверждений, непротиворечивость суждений;

б) опора на научные теории, владение понятиями курса;

в) опора на факты общественной жизни, личный социальный опыт;

г) примеры из произведений духовной культуры (литература, театр, кино, живопись и др.).

4. Умение сформулировать основные выводы по итогам рассмотрения темы.

Темы

«Увеличение богатства не то же самое, что уменьшение бедности».

Джоан Робинсон

«Не работодатель выдает зарплату, работодатель только распределяет деньги. Зарплату выдает клиент».

Генри Форд

«Общество, ценящее равенство выше свободы, теряет и равенство и свободу».

Милтон Фридман

«Каждый человек виновен во всем хорошем, чего он не сделал в своей жизни».

Вольтер

«Не стремись знать все, чтобы не стать во всем невеждой».

Демокрит

«Вот страж закона — он охраняет права так строго, что никто не может ими воспользоваться».

Станислав Ежи Лец

«Есть две мирные формы насилия: закон и приличия».

Иоганн Вольфганг фон Гёте

«Внеобщественный человек не может иметь морали».

Вольтер

«Самостоятельность суждений — привилегия немногих: остальными руководят авторитет и пример».

Артур Шопенгауэр

«Прямая обязанность художника — показывать, а не доказывать».

Александр Блок

3-й тур

Дорогие участники олимпиады, вам на выбор предлагаются тексты, относящиеся к различным областям обществознания.

Вы должны выбрать один из текстов по своему усмотрению и провести его критический анализ. Укажите основную идею автора текста и определите, можно ли решить поднятую автором проблему каким-либо иным способом. Обоснуйте свой ответ. Обязательно укажите номер выбранного вами текста.

Ваша работа будет оцениваться по следующим критериям:

1. Умение обозначить проблему (основную идею), содержащуюся в анализируемом тексте (в одном предложении).
2. Умение вычленить аргументы автора, логическую связь между ними.
3. Способность вычленить уязвимые места в позиции автора:
(а) недостаточную обоснованность авторской позиции;
(б) нарушение логической последовательности в рассуждениях автора; (в) противоречия в рассуждениях автора.
4. Способность использовать аргументы автора текста для опровержения его собственной позиции.
5. Способность предложить и обосновать альтернативное решение.

Удачи!

Текст 1.

Борьба за право есть обязанность управомоченного по отношению к самому себе...

...Охранение собственного существования составляет высший закон всей живой природы; в форме инстинкта к самосохранению он проявляется в каждом существе. По отношению же к человеку он действует не только в физической жизни, но и в его нравственном существовании, а одним из условий последнего является охранение права. В праве человек выражает и охраняет свое нравственное бытие, без права он опускается на уровень животного, и потому совершенно последовательно римляне ставили рабов с точки зрения абстрактного права на один уровень с животными. Охранение права является поэтому долгом нравственного самосохранения, совершенный отказ от него, — в настоящее время, Впрочем, невозможный, но некогда бывший возможным — является нравственным самоубийством. Но право представляет лишь сумму отдельных своих институтов, каждый из которых содержит особенное физическое или нравственное условие существования: будет ли это собственность или брак, договор или честь, — отречение от одного из них в правовом смысле, поэтому так же невозможно, как отречение от всего права в целом. Но что, конечно, возможно, это — посягательство другого лица на одно из этих условий, и отразить это посягательство составляет обязанность субъекта. Ибо одной абстрактной защитой этих жизненных условий со стороны права дело еще не заканчивается: они должны конкретно защищаться субъектом; повод же этому дает произвол, когда он решается посягнуть на них.

Но не всякое неправо есть произвол, т. е. покушение на идею права. Владелец моей вещи, считающий себя собственником ее, отрицает в моем лице не идею собственности: напротив, он призывает ее на защиту самого себя; спор между нами обоими идет только о том, кто является собственником. Вор же и грабитель становятся вне собственности, они отрицают в моей собственности в то же время идею последней и вместе с тем существенное условие моей личности. Представьте себе их образ действий общепризнанным, и тогда собственность подвергнется отрицанию как на практике, так и в принципе. Поэтому их деяние содержит посягательство не только на мою вещь, но в то же время и на мою личность, и если защищать последнюю составляет мою обязанность, то она распространяется и на ограждение тех условий, без которых личность не может существовать, — в своей собственности подвергшийся нападению защищает самого себя, свою личность. Только конфликт обязанности защищать собственность с высшею обязанностью охранения жизни, — как это имеет место в том случае, когда разбойник заставляет свою жертву выбирать между жизнью и деньгами, — может оправдать отказ от собственности. Но, за исключением этого случая, обязанностью каждого по отношению к самому себе является сопротивление всеми предоставленными ему средствами попиранию права в его лице; терпеливо перенося это попирание права, он допускает в своей жизни от-

дельный момент бесправия. Но на это никто не должен сам соглашаться. В совершенно ином положении находится собственник по отношению к добросовестному владельцу его вещи. Здесь вопрос о том, что ему делать, является вовсе не вопросом его правового чувства, его характера, его личности, а вопросом чистого интереса, потому что здесь дело идет всего только о ценности вещи, и здесь он совершенно в праве взвесить выгоду и риск и возможность двойного исхода и затем принять решение: возбудить процесс, отказаться от него, покончить дело миром. Мировая сделка есть точка совпадения подобного рода исчисления вероятности, произведенных обеими сторонами, и при наличии указанных мною здесь условий она представляет не только допустимый, но и самый правильный способ решения спора. Если, однако, ее часто бывает так трудно добиться, если обе стороны при обсуждении дела со своими адвокатами до суда нередко наперед отклоняют все мировые переговоры, то причина этого лежит не только в том, что в отношении исхода процесса каждая из спорящих сторон верит в свою победу, но и в том, что она предполагает в поведении противника сознательное правонарушение, злой умысел...

Никто не оценивает так хорошо своего интереса и не держится так крепко за то, что имеет, как крестьянин, и, тем не менее, никто, как известно, не жертвует так часто своим добром ради процесса, как он. По-видимому, здесь есть противоречие, в действительности же оно вполне объяснимо, так как именно это его сильно развитое чувство собственности делает для него боль от оскорбления этого чувства тем более ощутительной и, следовательно, соответствующую реакцию — тем более бурной. Сутяжничество крестьянина есть не что иное, как вызванное недоверием извращение чувства собственности, извращение, которое, как и аналогичное явление в любви, ревность, в конце концов обращает свое острие против самого себя, разрушая то, что стремится спасти.

Текст 2.

Отыскание истины должно быть целью нашей деятельности; это — единственная цель, которая достойна ее. Однако истина иногда пугает нас. Мы знаем, что она порой обманчива, что надо гнаться за ней все дальше и дальше и что никогда невозможно достигнуть ее. Мы знаем также, как она бывает подчас жестока, и мы спрашиваем себя, не является ли иллюзия не только более утешительной, но и более надежной. И потом — чтобы отыскивать истину, нужно быть независимым. Вот почему многие из нас пугаются истины; они видят в ней причину слабости; и все же не надо бояться истины, потому что только она прекрасна.

Если я говорю об истине, то я прежде всего хочу говорить об истине научной; но вместе с тем я хочу говорить и об истине моральной. Кажется, что я под одним и тем же названием соединяю две вещи, не имеющие ничего общего; что научная истина, которая доказывается, ни под каким видом не может сближаться с истиной моральной, которая чувствуется.

Тем не менее я не могу отделять их, и те, которые любят одну, не могут не любить и другую. Для того чтобы найти одну, так же как и для того, чтобы найти другую, нужно постараться полностью освободить свою душу от предубеждения и пристрастия, нужно достигнуть абсолютной искренности. Эти оба рода истины, однажды открытые, приводят нас в одинаковое восхищение; и та и другая, лишь только их усмотрели, сияют одним и тем же светом. Обе они и привлекают нас и ускользают от нас; они никогда не фиксированы жестко: когда кто-нибудь подумает, что достиг их, — сейчас же увидит, что еще нужно идти, и тот, кто стремится постичь их, осужден никогда не знать покоя. Одним словом, я сближаю две истины, потому что одинаковые мотивы заставляют нас любить их и одинаковые мотивы побуждают нас бояться их.

Если мы не должны бояться моральной истины, то тем более не следует страшиться истины научной. Она не может быть во вражде с моралью. У морали и науки свои собственные области, которые соприкасаются друг с другом, но не проникают друг друга. Первая показывает нам, какую цель мы должны преследовать; вторая — при данной цели — открывает нам средства к достижению ее. Следовательно, они никогда не могут оказаться в противоречии друг с другом, так как они не гут сталкиваться. Не может быть аморальной науки, точно так же, как не может быть научной морали.

Но если иные боятся науки, то главным образом потому, что она не может дать нам счастья. Человек не может быть счастлив наукой, но теперь он еще менее может быть счастлив без нее.

Но если истина есть единственная цель, которая заслуживает того, чтобы к ней стремиться, то можем ли мы надеяться достигнуть ее? Вот в чем позволительно сомневаться. Истина, которую нам позволено предвидеть, не совсем то, что большинство людей называют этим именем. Значит ли это, что наше самое законное стремление есть в то же время самое тщетное? Или же мы можем наперекор всему приближаться к истине с какой-нибудь стороны?

Текст 3.

Для начала будет полезно взглянуть на культуру в ее разнообразных проявлениях как бы «с высоты птичьего полета». Очевидно, что культура — это единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, учредительных установлений для разных общественных объединений, человеческой мысли и ремесел, верований и обычаев. Обратимся ли мы к простой и примитивной культуре или к культуре крайне сложной и развитой, в любом случае мы обнаружим обширный аппарат, частью материальный, частью человеческий и частью духовный, при помощи которого человек способен справиться с встающими перед ним специфическими проблемами. Эти проблемы возникают, потому что человек имеет тело с различными органическими потребностями и потому что он живет в среде, которая для него одновременно и лучший друг, дающий ему сырье, и опасный враг, грозящий множеством опасностей.

Таким образом, теория культуры должна изначально основываться на биологических факторах. В совокупности человеческие существа представляют собой вид животного. Они вынуждены выполнять элементарные требования, чтобы выжить, чтобы их род продолжился, а здоровье всех и каждого представителя в отдельности поддерживалось в рабочей форме. Кроме того, всей совокупностью артефактов и своей способностью производить и ценить их человек создает себе вторичную среду обитания.

Понятно, что удовлетворение органических, базовых, потребностей индивида и человеческого рода в целом определяет минимальный набор требований, налагающий ограничения на всякую культуру. Должны решаться проблемы, возникающие из человеческой потребности питаться, размножаться и соблюдать гигиену. Они решаются путем создания новой, вторичной, искусственной среды. Эта среда, которая и есть, собственно, не что иное, как культура, должна постоянно воспроизводиться, поддерживаться и регулироваться. В результате образуется то, что можно в самом общем виде определить как новое качество жизни, зависящее от культурного уровня сообщества, окружающей среды и производительности группы. При этом культурное качество жизни предполагает, что появляются новые потребности, которые определяют человеческое поведение. Разумеется, культурная традиция должна передаваться от одного поколения другому. Поэтому в любой культуре обязаны существовать методы и механизмы образования. Должны также поддерживаться порядок и законность, ведь в основе любого культурного достижения лежит совместная деятельность. Поэтому в любом сообществе обязаны существовать установления для санкционирования обычая, этики и закона. А так как материальный, состоящий из артефактов, субстрат культуры должен обновляться и поддерживаться в рабочем состоянии, некие формы экономической организации необходимы даже для самых примитивных культур.

Таким образом, прежде всего человек нуждается в удовлетворении потребностей своего тела. Он должен организовать свою жизнь и выполнять все необходи-

мые действия для того, чтобы питаться, согреться, укрыться, одеться, защитить себя от холода, ветра и непогоды. Он должен обеспечить свою защиту от внешних врагов и опасностей, будь то стихии, звери или люди. Все эти первичные задачи человеческого существа разрешимы для индивида через создание артефактов, организацию групп сотрудничающих индивидов, а также через развитие знания, ценностной ориентации и этики.

Текст 4.

В государстве протекает вся человеческая жизнь и от государства человеку уйти некуда. Вследствие необходимости защищать свое существование с оружием в руках, оно требует от человека полного напряжения всех его сил; оно стремится подчинить себе без остатка всего человека со всеми его стремлениями и помыслами и, поработав его, еще более закрепляет подчинение его духа началу биологическому. Борьба народов происходит из-за материальных благ, из-за новых территорий, рынков и иных материальных выгод. Отсюда — неизбежно присущая государству тенденция утверждать эти блага как высшее в мире, подчинять духовное экономическому. Когда подвиг сверхчеловеческого героизма, духовный подъем любви к родине и, наконец, высшая жертва любви, — жертва собственной жизнью — миллионами человеческих жизней — требуется для того, чтобы одно государство наживалось на счет другого, — несоответствие между тем, что государство дает человеку, и тем, чего оно от него требует, бросается в глаза; ибо здесь ради материальной ценности приносится в жертву то, что бесконечно дороже всяких товаров, рынков и территорий. Но высшее из всех возможных зол государственной жизни заключается вовсе не в этом несоответствии, а в присущей государству тенденции — извращать самый духовный облик человека.

Для государственных целей может быть полезен человек — палач или шпион, человек, готовый за деньги на всевозможные мерзости. Государство иногда нуждается в услугах кокотов или проституток, могущих узнать чужие дипломатические тайны. Ему вообще во многих случаях бывает нужна подкупная человеческая совесть. Для него может быть полезно, чтобы все его подданные стали совершенными орудиями войны, жестокими и безжалостными к людям другой расы, воспитанными на ревность и злобу и готовыми отречься от всякой нравственной заповеди в тех случаях, когда этого требует государственная необходимость. Государство хочет быть для человека безусловной ценностью; оно вообще не склонно признавать никаких высших над собою ценностей, в том числе и ценности человеческой души или безусловного достоинства человека.

Представим себе, что этот несомненно существующий уклон к государственному абсолютизму когда-либо восторжествует, что государство, выражаясь языком Гоббеса, действительно станет «смертным богом» для человека. Тогда мир явит собою ужасающую картину торжествующей бессмыслицы! Порочный круг, в котором бесцельно мечется человеческая жизнь, тогда будет близок к завершению; ибо его завершение — окончательная утрата человека.

Текст 5.

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью. Чем определяется последняя?

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила — стоимость, в ней самой представлено лишь определённое количество овеществлённого общественно-среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни её владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путём внешнего её проявления, она осуществляется только в труде. В процессе её осуществления, в труде, затрачивается определённое количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата предполагает усиленное возмещение. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим, в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определённой страны и для определённого периода объём и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная.

Забастовка ради забастовки — такова ныне истинная суть борьбы. Немотивированная, бесцельная, лишенная политической референции, она соответствует и противостоит такому производству, которое и само немотивированно, бесцельно, лишено референции и социальной потребительной стоимости, не имеет другой цели, кроме себя самого, — *производству ради производства*, то есть системе простого *воспроизводства*, которая крутится вхолостую в гигантской тавтологии трудового процесса....

В производстве ради производства больше не бывает *транжирства*. Само это понятие, значимое в рамках ограниченной экономики пользования, стало для нас неприменимым. Оно связано с благонамеренной критикой системы. «Конкорд», космическая программа и т. д. — это не транжирство, напротив. Ибо теперь система, дошедшая до столь высокого уровня «объективной» бесполезности, производит и воспроизводит *сам труд*. Собственно, все (включая трудящихся и профсоюзы) именно этого от нее прежде всего и требуют. Все вращается вокруг проблемы занятости: социальная политика, это создание рабочих мест — и вот британские профсоюзы, чтобы сохранить занятость, готовы превратить «Конкорд» в сверхзвуковой бомбардировщик; инфляция или безработица? — да здравствует инфляция, и т. д. Труд, подобно социальному страхованию или потребительским благам, сделался предметом социального перераспределения. Грандиозный парадокс: труд все меньше и меньше является производительной силой и все больше и больше — *продуктом*. Этот аспект — одна из самых характерных сторон той перемены, которую терпевает ныне система капитала, той революции, в результате которой она переходит от собственно производственной стадии к стадии воспроизводства. Чтобы функционировать и распространяться вширь, она все меньше нуждается в рабочей силе, а от нее требуют, чтобы она давала, «производила» все больше труда.

Такому абсурдному замкнутому кругу — системе, в которой работают, чтобы производить труд, — соответствуют и требования бастующих ради забастовки (впрочем, этим сегодня заканчивается и большинство забастовок «с конкретными требованиями»): «Оплатите нам дни забастовки», — что по сути значит «заплатите нам, чтобы мы могли *воспроизвести* забастовку ради забастовки». Это абсурд всей системы, вывернутый наизнанку.

Ныне, когда продукты производства — *все* продукты, включая и сам труд, — оказались по ту сторону полезного и бесполезного, производительного труда больше нет, остался только труд *воспроизводительный*. Точно так же нет больше и «производительного» или «непроизводительного» потребления, осталось только потребление *воспроизводительное*. Досуг столь же «производителен», сколь и труд, фабричный труд настолько же «непроизводителен», как досуг или труд в третичном секторе...

Май 1968 года: иллюзия производства

Первой ударной волной этого перехода от производства к чистому воспроизводству оказался май 1968 года. Первым оказался затронут университет, и прежде всего гуманитарные факультеты, потому что там стало особенно очевидно (даже и без ясного «политического» сознания), что там *ничего больше не производят*, а только лишь воспроизводят (преподавателей, знания и культуру, каковые сами становятся факторами воспроизводства системы в целом). Именно это положение, переживаемое как полная ненужность и безответственность («Зачем нужны социологи?»), как социальная неполноценность, и подхлестнуло студенческие выступления 1968 года — а вовсе не отсутствие перспектив: *в процессе воспроизводства* перспектив всегда хватает, чего нет, так это мест, пространств, где бы действительно что-то *производилось*.